

А ЧЕТВЕРТОМ контрольно-пропускном пункте «дерьмовоз» проверили в четвертый раз. Шофера ассенизационной машины Мишку Курылева поставили лицом к стене и обшарили, как последнюю подпольную сволочь из банды каких-нибудь там «молодых тигров демократии». А сержант спецгвардейцев Ренат Хузин даже на всякий случай пошерудил у Мишки промеж ног автоматным стволом, чего раньше не делал.

— Ну, ты достал! — тихо возмущился Курылев.

— Согласно приказу! — дружелюбно объяснил сержант Хузин.

Никогда еще прежде Мишке не прихо-

Демгородке баловали только спецгвардейцев. Остальные довольствовались отечественным табачком, произрастающим в Абхазской губернии и продававшимся на вес в сельмаге со строгим названием «Товары первой необходимости». Впрочем, после Варненской унии импортной «Шипку» считали скорей по инерции, еще не привыкнув к тому, что Великое Княжество Болгарское теперь часть единой и неделимой России.

— Смелый ты парень! — неожиданно сказал Ренат и хитро поглядел на Курылева.

— Почему?

— «Любовь и смерть всегда вдвоем!» — игриво ответил сержант.

— Это откуда?

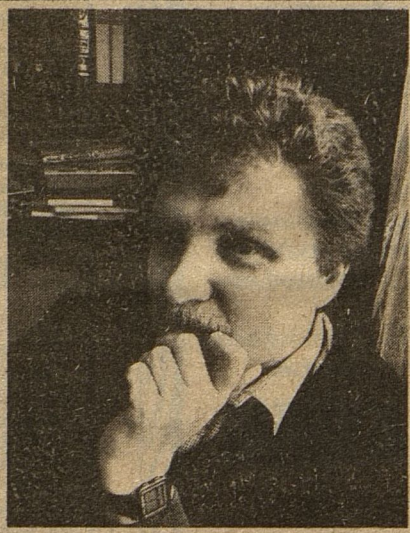
— Из устава караульной службы... —

По многолетней традиции известный писатель Юрий Поляков предлагает читателям «МК» фрагмент своей новой работы. Так было с повестями «ЧП районного масштаба», «Работа над ошибками», «Сто дней до приказа», «Апофегей», «Парижская любовь Кости Гуманкова». И вот теперь — «Демгородок».

— А почему, собственно, «Демгородок»? — спросили мы автора в ответственный момент передачи рукописи редакции.

— «Демгородок» — это, по сути, наша сегодняшняя абсурдная жизнь, это моя попытка предостеречь тех, кто не понимает: недоделанная демократия — самый короткий путь назад — в тоталитаризм...

Полностью повесть Юрия Полякова будет опубликована, как всегда, в журнале «Юность».

дилось слышать, чтобы военный человек сказал «согласно приказу». Абсолютно все, включая спасителя Отечества адмирала Рыка, говорили «согласно приказу».

Не снимая пальца со спускового крючка АКМа, Ренат ловко вскочил на «дерьмовоз», откинул крышку люка и фонариком посветил в смердящую утробу цистерны.

— Никого нет? — простодушно изумился Курылев.

— Если бы там кто-то был, тебя бы уже не было! — мгновенноотреагировал Ренат и улыбнулся.

Сколько раз Мишка пытался перешутить или хотя бы удачно поддеть сержанта Хузина, даже домашние заготовки придумывал, но безрезультатно. И немудрено: Ренат попал в гвардию со второго курса филологического факультета МГУ по добровольному набору в честь годовщины исторического рейда подводной лодки «Золотая рыбка» (бывший «Московский комсомолец») к берегам Японии.

Спрыгнув на землю, сержант Хузин брезгливо осмотрел свой пятнистый комбинезон, поправил казаковатую папаху и достал из кармана пачку «Шипки». Забыв обиду, Курылев с удовольствием принял дефицитную сигаретку.

— Ну и виномечее же дерьмо у демократов! — молвил Ренат, закуривая.

— Это добро у всех одинаковое... — рассудительно отозвался Мишка, втягивая в себя заморский никотинчик, которым в

засмеялся Хузин, бросил окуроч на асфальт и растер его кованой подошвой.

Наверное, то был условный знак, потому что бронированные ворота медленно раскрылись — и через минуту Мишка въезжал на территорию Демгородка.

Для тех, кто не видел замечательной документальной ленты «Пауки в банке», получившей «Золотую субмарину» на Международном московском фестивале, я кратко опишу место действия. Демгородок очень похож на обычный садово-огородный поселок, но с одной особенностью: по периметру он окружен высоким бетонным забором, колючей проволокой и контрольно-следовой полосой, а по углам установлены сторожевые вышки, стилизованные под дачные беседки. На каждых шести сотках стоит типовое строение с верандочкой. Все домики выкрашены в веселенький желтый цвет и отличаются друг от друга лишь крупно наклеенными номерами. Строго посредине Демгородка проходит довольно широкая асфальтированная дорога, которую сами спецпоселенцы с ностальгическим юмором именуют «Бродвеем». Дорога упирается в длинное кирпичное здание, украшенное большим транспарантом «Демократия — безумие, бесчестие и бессовестность нашей эпохи! Адмирал Рык». В правом крыле расположен небольшой следственный изолятор, в левом — валютный магазинчик, в центре — кинозал. Достопримечательность Демгородка — искусственный пруд с пляжи-

ком, присыпанным красноватым песком. От Бродвея ответвляются дорожки поуже, но не асфальтированные, а укатанные щебенкой. По ним можно подъехать к любому из 984 домиков, хотя бы для того, чтобы очистить выгребные ямы.

Мишка резко засигналил — жердеобразный поселенец, понуро тащившийся по Бродвею, испуганно встрепенулся и сошел на обочину. Курылев узнал бывшего знаменитого сатирика, угодившего сюда за чудовищную эпиграмму на спасителя Отечества:

Какой-то пьяный адмирал
Подол Россиишке задрал...

Кстати, поначалу никаких «удобств», а значит, и выгребных ям в Демгородке не было, а просто по краям участков торчали банальные дощатые будки. Но после того

Москва, комсомолец — 1992 — 29 апр

Юрий Поляков

ДЕМГОРОДОК

Полуфантастическая повесть

как один за другим сразу шесть поселенцев (в основном нераскашавшиеся народные депутаты) повесились почему-то именно в этих непотребных скворечниках, из Москвы пришло соответствующее указание. Тогда-то и появилась в Демгородке ассенизационная машина.

Мишка сверился с путевкой-нарядом и свернул к домику № 186. На крылечке сидел пожилой человек и с государственной сосредоточенностью чистил морковь. Его глянцева лысина состояла в каком-то странном, диалектическом противоречии со щеками, покрытыми недельной щетиной. Как и все обитатели Демгородка, одет он был в джинсовую форму, пошитую специально для Первых Российских Олимпийских игр. Но адмирал Рык забраковал эту форму, сказав, что такие «балдахоны» можно шить только врагам. Его поняли буквально и всю неудавшуюся спортивную одежду переправили сюда, предварительно спорол олимпийские эмблемы — гербового орла, держащего в когтях пять колец. От прежнего, устаревшего, новый орел отличался тем, что головы его смотрели не в разные стороны, а друг на друга и с явной симпатией. Вместо эмблем поселенцы носили на груди номера своих домиков.

— Здравствуйте, дорогой! — вкрадчиво проговорил лысый и помахал морковкой.

— Здравствуйте, Сто Восемьдесят Шестой! — хмуро ответил Курылев, засовывая толстую гармошчатую кишку в отверстие выгребной ямы.

По инструкции охрана и персонал Демгородка обращались к поселенцам исключительно по номерам. Причем если осужденный проживал вместе с родственниками, то инструкция предусматривала прибавление к номеру еще и соответствующей литеры: жена — 186-А, дочь — 186-Б, сын — 186-В и так далее. Но к лысому эти детали отношения не имели: все близкие от него отказались, опубликовав открытое письмо в «Московских новостях».

— Хорошая сегодня погода, не так ли? — не обращая внимания на Мишкину су-

ровость, неестественно задушевно продолжал лысый.

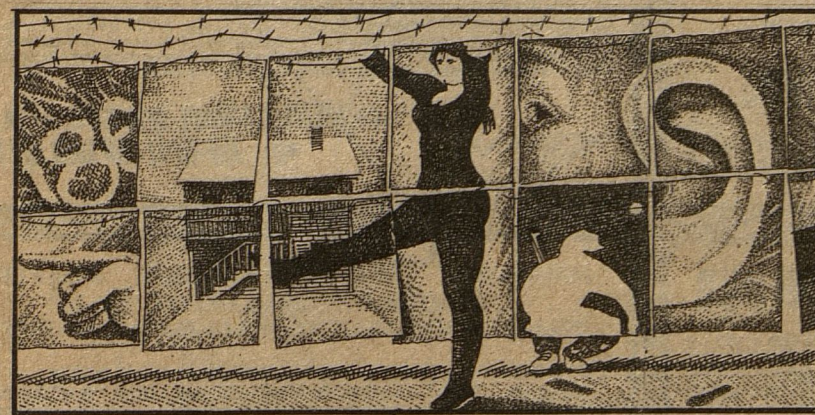
— Хорошая... — буркнул Мишка, потянул на себя рычаг, кишка дернулась — и процесс пошел.

— Это правда, что Стратонова застрелили в Нью-Йорке? — спросил приставучий поселенец.

— Передавали, что погиб при невыясненных обстоятельствах... — уклончиво ответил Курылев, хотя доподлинно знал: бывшего шефа телевидения искрошили автоматными очередями прямо в супермаркете, в рыбной секции, несмотря на его фальшивый паспорт и накладную бороду. А лысый до прихода к власти адмирала Рыка служил первым заместителем Стратонова и частенько выступал по телевизору с глумливыми политическими комментариями.

— Ведь я его предупреждал! — почти удовлетворенно заметил он. — Не достанут, не достанут... Достали!

— Возмездие неотвратимо! — подтвердил Мишка, предпочитая в подобных случаях отщипывать фразы, которые слышал во время КПЗ (контрпропагандистские занятия).

Занятия обычно вел подполковник из Рижского филиала Всероссийского центра исследований политико-морального состояния личного состава. Рассказывал полморсосовец и про лысого — матерого агента влияния, посаженного в Демгородок за подрыв государственного сознания населения и злостную сионизацию эфира. Правда, по национальности агент был всего лишь армавирским армянином, но, как справедливо отметил адмирал Рык в речи по случаю восстановления фонтана «Дружба народов» на ВДНХ имени Е. Лигачева: «Национальность гражданина определяется его любовью к Родине, а не длиной носа».

— Хотите морковку? — неожиданно предложил лысый.

— Нет. Сто Восемьдесят Шестой, не хочу! — резко ответил Мишка: инструкция строго-настрого запрещала любые виды контактов с поселенцами.

— Извините... — смутился, поняв свою бестактность, бывший сионизатор эфира. — Я просто хотел спросить вас, что вы думаете об амнистии? Знаете, ходят слухи...

— О чем? — обалдел Курылев.

— Об ам... Об амнистии... Ведь адмирал — великодушная личность, не так ли?

— Еще какая великодушная! А то бы вы уже давно червей сионизировали! — лихо сказал Мишка и пожалел, что Ренат его не слышит.

— Ну, зачем же вы так... — выронил морковку, пробормотал лысый.

Тем временем гармошчатая кишка зачмокала, как если бы великан попытался через соломинку добрать из гигантского стакана остатки коктейля с вишенками. Курылев выключил насос, глянул на часы, показывавшие 15.37, но в путевке почему-то записал 16.05. Потом, даже не попрощавшись с лысым, он вынул из Бродвея и медленно двинулся вдоль сетчатых заборов с металлическими калитками. При этом он настороженно прислушивался к мотору и косился на красную стрелку, обозначающую температуру в системе охлаждения двигателя. Поравнявшись с домиком № 57, Мишка сердито остановился, вылез из кабины, поднял капот и озабоченно заглянул в прокопченные кишки машины.

— Вот зараза!

Копавшаяся в грядках темноволосая девушка, одетая во все тот же олимпийский комплект, бросила тяпку, встала с колен и подошла к ограде. У нее было совсем еще детское загорелое лицо, грустные-

— На кухню проходите, — подсказала девушка и сама пошла вперед.

На маленькой веранде стоял застеленный старой клеенкой стол, а на нем — стеклянная банка с темно-алыми пионами. Опушенные в воду стебли были густо обметаны крошечными пузырьками воздуха. Упавшие на клеенку лепестки напоминали густые, чуть подсохшие капли крови. Курылев поставил ведро в раковину и включил воду.

— Ржавая, — сказала девушка.

— Мне без разницы...

Она покачала головой и подошла к плите, где на маленьком огне кипела, чуть подрагивая крышкой, кастрюлька. Лет пять назад в Душанбе (теперь это уже Афганистан) Мишка видел замечательный ценник: «Есть набор — кастрюль, кастрюля и кастрюльчик, 10 руб. 50 коп.».

Девушка зачем-то приподняла крышку и тут же со звоном уронила ее.

— Обожглась? — спросил Курылев.

— Чуть-чуть... Но так даже лучше...

— Почему?

— Не знаю. Боль успокаивает...

— Выдумщица ты, Ленка! Где отец-то?

— На пруду, — ответила она, подходя к нему.

Мишка взял ее руку, огорченно посмотрел на покрасневшие пальцы и тихо пошутил.

— А он не вернется?

— Нет, я сказала, что ты придешь.

— А он что сказал?

— Не переживай. Совсем не то, что Озия — Юдифи! — засмеялась Лена и обняла Курылева.

Ведро наполнилось, и вода потекла через край.

— Пахну я, наверное, черт-те чем, — вздохнул он.

— Дурачок ты! — снова засмеялась она и сильно потерлась щекой о его щекодежду.

Мишка поцеловал ее в губы, поцеловал так, как целуют только близких, уже изведанных женщин. При этом он успел поглядеть в окно — сквозь щель между занавесками были видны калитка и часть дорожки.

— Ми-ишка, я так соскучилась!

— Я тоже...

— Ми-ишка, пойдем в спальню! — попросила Лена.

— Нельзя, могут подкрасться. Ты пойми!

— Я понимаю, — кивнула она и, отвернувшись, начала расстегивать пуговицы.

Когда после шершавой ткани Мишка ощутил ее тело, оно показалось ему таким бесплотно-нежным, что даже пальцы онемели. А когда, не сводя глаз с окна, он наконец-то проник в нее, Лена вскрикнула.

— Тише! — Мишка ладонью закрыл ей рот. — Только тише...

...Потом, уже сев в машину и положив еще не успокоившиеся руки на «баранку», он заметил возле большого пальца два красных, вдавленных в кожу полукружья, похожие на скобочки. Курылев почему-то вспомнил, как по правилам школьной математики сначала нужно выполнить действия с числами, заключенными в скобки, а потом уже все остальное...